

СОСКОВЕЦ

Любовь Ивановна

**Религиозные организации Западной Сибири
в 1940-1960-е годы**

Специальность 07. 00. 02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск 2004

Работа выполнена на кафедре истории и документоведения Томского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор
Ларьков Николай Семенович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор

Гончарова Ольга Александровна
доктор исторических наук,
профессор

Дмитриенко Надежда Михайловна
доктор исторических наук,
профессор

Кузнецов Иван Семенович

Ведущая организация: **институт истории
ОИИФФ СО РАН
г. Новосибирск**

Защита состоится 17 декабря 2004 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан «10 » ноября 2004 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор **Харусь О.А.**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Обращение к исследованию конфессиональной составляющей отечественной истории становится заметным явлением в современной науке. Ряд факторов – существование в России большого количества религиозных объединений, их активное участие в жизни страны, взаимосвязь этничности и конфессиональности, отсутствие внятной концепции государственной политики в вероисповедной сфере – придают теме актуальный и практически значимый характер.

Это подтверждается наличием в России проблем, связанных с существованием религиозных организаций разных исповеданий, с их отношениями друг с другом и с государством. Несмотря на провозглашение соответствующих конституционных принципов, нерешенным остается вопрос о фактическом правовом равенстве конфессий. Наблюдаются весьма опасные тенденции превращения одной из них, пусть самой традиционной и многочисленной, в едва ли не государственную церковь. Последнее не только не соответствует принципу отделения церкви от государства, но в многонациональной и поликонфессиональной среде формирует новые конфликты. Сложность выработки адекватной политики в религиозной сфере современного российского государства заключается в том, что она не может иметь аналогов в своем историческом прошлом, поскольку ни дореволюционная, ни советская модели в данном случае не годятся.

Для понимания этого и исключения ошибок, могущих привести к нарушению общественного спокойствия, обострению религиозной нетерпимости, требуется не только базирующаяся на общей культуре корректность, но и знание истории вопроса. Необходим научный анализ всех сторон данной проблемы, в том числе и исторического опыта существования религиозных конфессий в российском обществе и государстве. Обращение к подобной проблематике позволяет удовлетворять потребность людей в знании истории своих церквей. Исследования такого рода нужны и для того, чтобы понять причины современного российского социокультурного феномена духовной реверсии, а именно, массовой деатеизации и десекуляризации.

Изучение религиозных организаций, таким образом, актуально, социально значимо и политически насущно. Эта проблема в значительной степени актуализируется недостаточной ее разработкой в отечественной науке. История религиозных объединений Западной Сибири также до сих пор не стала объектом комплексного исследования. В то же время она является составной частью истории России, Западно-сибирского региона, истории церквей и конфессий и важна для понимания общего и особенного в развитии российского государства, его отдельных территорий, осознания места и роли религиозной группы в жизни индивида и социума.

Актуальность темы, ее научно-практическая значимость определили **цели исследования**. Они заключаются в выяснении характера религиозной ситуации в Западной Сибири в 1940–1960-х гг., показе различных сторон жизнедеятельности религиозных объединений, анализе их взаимоотношений с государством, реконструкции и обяснении основных явлений и процессов в истории религиозных организаций региона.

Достижение обозначенных целей потребовало решения следующих научных **задач**:

– проследить процесс формирования теоретических и исторических знаний о предмете исследования, охарактеризовать состояние изученности темы; определить ее теоретико-методологические основы; изучить и отобрать источники по истории религиозных организаций;

– выявить конфессиональную принадлежность групп верующих, географию размещения религиозных общин в регионе; социо-демографические характеристики верующих; выяснить специфику религиозной ситуации в Западной Сибири;

– охарактеризовать важнейшие проявления жизнедеятельности религиозных организаций: вероучительные и организационно-управленческие принципы, культово-обрядовую сторону;

– показать условия осуществления вероисповедальной практики (наличие общин, молитвенных домов, религиозной литературы); проанализировать состав и деятельность духовенства;

– изучить и оценить антицерковную политику советского государства и его институтов (законодательства, уполномоченных, агитационно-пропагандистских органов).

Объектом настоящего исследования выступают религиозные конфессии и их организации. Территориальные, временные и внутривопросные ограничения в объекте изучения позволили определить в качестве **предмета** исследования основные направления жизнедеятельности религиозных организаций Западной Сибири в 1940–1960-е гг.

Хронологические рамки работы охватывают 1940–1960-е гг. Их выбор обусловлен определенной этапностью, логикой и спецификой внутреннего развития религиозных организаций в это время, а также особенностями воздействия на них в данный период внешних обстоятельств, в первую очередь государственной политики.

К концу 1930-х гг. завершился самый драматический период существования религиозных объединений. В предшествующие годы все они были практически разгромлены, то есть 1940-е гг. стали временем, когда решался вопрос: сохранятся ли религиозные организации в стране или будут окончательно ликвидированы. На 1940–1950-е гг. приходится период определенного возрождения части конфессий, некоторой активизации их деятельности. Затем, пережив натиск государства в конце 1950 – начале 1960-х гг., они вступили в полосу относительно стабильного существования, не принесшего им особых приобретений, но ознаменованного отсутствием серьезных потрясений в виде масштабных гонений.

Внешние факторы развития религиозных организаций в этот период определялись политикой партии и Советского государства, в целом стратегически всегда направленной на их уничтожение, но тактически избирав

шей в разные годы специфические приемы: от некоторой либерализации (1940-е гг.) до жесткого преследования всех конфессий (конец 1950-х – начало 1960-х гг.).

Таким образом, выбранные для изучения десятилетия позволяют выяснить и проследить различные модели политики правящего режима в отношении религии и церквей, а также восстановить картину внутренней жизнедеятельности религиозных объединений, направленной на сохранение своих структур, осуществление вероисповедальной практики, поддержание и воспроизводство религиозной веры в стране воинствующего атеизма.

Территориальные границы. Исследование заявленных проблем в границах 6 крупных административно-территориальных образований – Тюменской, Омской, Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края – даже по чисто формальным показателям дает возможность претендовать на солидную репрезентативность предложенных выводов. Рассмотрение основных тенденций в жизнедеятельности религиозных организаций, органов и учреждений власти в столь значительных пределах позволяет предполагать, что изучаемые процессы в определенной мере были присущи российскому обществу и Советскому государству в целом.

Конфессиональное разнообразие всех областей региона, общность исторических судеб религиозных объединений, находившихся здесь, поликонфессиональность населения Западной Сибири способствуют выявлению общего в жизни религиозных объединений различных конфессий как Сибири, так и всей страны, а также вычленению особенного, присущего именно сибирским организациям. История Сибири раскрывается, таким образом, как неотъемлемая часть истории России, а история религиозных организаций, существовавших в регионе, в известной мере может экстраполироваться на все конфессии и церкви, действовавшие тогда в СССР.

Методология исследования понимается нами как инструментарий получения и принципы упорядочения знания. Применение системного подхода ориентировало на определение и изучение всех составляющих конфессиональной истории в их взаимосвязи, взаимозависимости. Он позволил рассматривать религиозные организации как сложные образования, прямо или опосредованно связанные с другими системами общества и друг с другом, имеющие свои границы, внутреннюю структуру и закономерности развития. Советская государственность также предстает как иерархическая система, многие звенья которой воздействовали на религиозные объединения.

С помощью сравнительного метода осуществлялось сопоставление религиозных организаций между собой (структура, вероучение, культ и т.д.), а также изучение каждого исповедания по принципу: церковь как всеобщие объединения общин и собственно поместные общины на примере Западной Сибири.

Метод дедукции содействовал выявлению частного и единичного в жизни религиозных организаций Западной Сибири из общего, характерного для всей страны, а также специфики положения отдельных конфессий на общем фоне «решения религиозного вопроса». Метод индукции помог подойти на основе сибирского материала к анализу общесоюзных тенденций, выяснить общие закономерности в развитии религиозных объединений в СССР. Диахронный подход позволял определять и выделять качественные изменения в изучаемом предмете и устанавливать моменты таких изменений. На основе проблемно-хронологического подхода собранный эмпирический материал осмысливался по выделенным проблемам, а внутри них – по периодам.

Принцип единства теоретического и эмпирического реализуется на основе широкого применения разнообразных документальных источников для подтверждения справедливости теоретических построений автора. Принцип историзма, требующий изучения истории религиозных организаций Западной Сибири во временном развитии, выяснения связи прошлого, настоящего и будущего, позволил анализировать положение религиозных организаций в контексте конкретно-исторических событий в стране и в регионе, обнаружить некоторые причины событий в жизни религиозных конфессий в их прошлом. Мы руководствовались также принципом детерминизма, ибо очевидно, что историю религиозных организаций невозможно понять и объяснить только из нее самой, без учета влияния на нее внешних факторов: экономических, социально-политических, культурно-духовных, определявших религиозную ситуацию в Сибири в рассматриваемый период так, как она сложилась.

Но учитывая «власть обстоятельств», полагаем, что означенные детерминанты, хотя и влияли на людей, все-таки не превращали их в марионеток. Мы разделяем точку зрения П. Бурдьё, введшего понятие габитуса, призванного показать, что люди не являются простыми заложниками структур и обстоятельств, а в своем поведении руководствуются определенными целями, возможно, и не всегда осознанными, своей картиной мира, своими ценностями. Пример советских верующих, преодолевавших невероятные внешние обстоятельства, убедительное тому подтверждение.

В силу разносторонности предмета исследования в определенной мере применялись методы и теоретические наработки социологии, психологии, правоведения, религиоведения, политологии.

Мы полагаем свою работу выполненной в рамках социальной истории. Религия, ее структурные элементы – церковь, общины, группы могут рассматриваться как социальные явления, как компоненты общества. Отсюда весь комплекс отношений, как внутриинституциональных (между различными уровнями управления и организации религиозных объединений), так и межинституциональных (между государственными органами и религиозными объединениями, между различными церквями), можно определить как виды социальных связей. Специфика положения религиозных организаций в советский период заключалась в том, что государство настойчиво пыталось вытеснить их из социальной системы, вплоть до уничтожения. Соответственно, отношения между ним и церквями были не равнопартнерскими, их характер в значительной мере определялся государством. Но сам факт того, что религиозные организации отчаянно сопротивлялись уничтожению их как общественного

института, продолжали свою деятельность, заставляет задуматься о причинах их глубокой социальной укорененности.

Научная новизна диссертации заключается в осуществлении анализа в избранных территориальных и хронологических рамках широкого комплекса проблем, связанных с историей религиозных объединений. В ней **впервые:**

- реконструирована полномасштабная картина религиозной жизни в Западной Сибири в 1940–1960-е гг.;
- выявлена конфессиональная принадлежность верующих региона, определена география размещения религиозных объединений;
- осуществлено всестороннее исследование жизни в Западной Сибири приходов Русской православной церкви;
- воссоздана история общин, бытовавших в регионе, которые до этого никогда не были объектом изучения: католических, иудейских, мусульманских, истинно православных христиан;
- дополнена и переосмыслена история протестантских объединений;
- представлен в значительном объеме личностный фактор в развитии религиозных организаций, названы имена и воссозданы биографии религиозных деятелей разных конфессий;
- комплексно проанализирована на региональном материале политика правящей партии и советского государства в отношении религиозных организаций;
- изучена деятельность уполномоченных Совета по делам религий в западно-сибирских областях, восстановлена картина гонений на религиозные организации;
- проведен фундаментальный анализ историографии проблемы, обнаружены, систематизированы и введены в научный оборот новые источники.

Элементы новизны содержатся в интерпретационных подходах к известным уже историческим сюжетам и фактам. Автор коррелирует утвердившуюся в литературе точку зрения о потеплении государственно-церковных отношений в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, подчеркивая, что либерализация коснулась, во-первых, далеко не всех конфессий, во-вторых, и для остальных пределы свободы и возрождения тоже были ограничены.

Диссертант не разделяет мнения ряда историков на положительную оценку деятельности Советов по делам РПЦ и религиозных культов, возражает против попыток представить политику государства в отношении религиозных организаций в 1943–1958 гг. как базирующуюся на конституционно-правовых принципах, без обозначения того, что это были законодательство и конституция неправового государства.

Принципиально новым является вывод о несовпадении периодов и причин возрождения отдельных церквей, например, РПЦ и протестантских.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные выводы и положения диссертации, вводимые в научный оборот источники могут быть привлечены при создании трудов по истории различных конфессий нашей страны, истории Сибири, подготовке учебных пособий, спецкурсов, использованы практическими политиками и органами власти, определяющими и осуществляющими взаимоотношения с религиозными организациями. Наблюдения и выводы диссертации будут полезны при изучении современного состояния религиозных объединений. Осуществленное исследование и его результаты могут способствовать определенному удовлетворению общественного интереса, а также содействовать формированию толерантного сознания в российском обществе.

Сбор материалов по теме исследования стал возможен благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (индивидуальный грант на 1998–2000 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, включающих 14 разделов, заключения, списков использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи, объяснен выбор хронологических и территориальных рамок, представлены методологические подходы, указаны новизна и практическое значение работы.

В первой главе «**История религиозных организаций как научная проблема**» проанализированы историографическая ситуация, сложившаяся в изучении темы, источниковая база и теоретико-методологические основы проблем, поставленных и исследуемых в диссертации.

Историография темы в целом обширна, поскольку многоаспектность предмета исследования требует не только исторического, но и общеполитического, религиозно-социологического анализа. Вся привлеченная литература анализируется по двум группам: труды, созданные в советский период (1940-е – конец 1980-х гг.), и вышедшие в постсоветские (1990–2004) годы.

Автор подчеркивает, что на общем характере работ, созданных в советский период, сказывалось господство теоретико-методологических подходов так называемого научного атеизма, каноны которого были жестки и закрывали дорогу к свободному поиску в области историко-религиоведческих исследований. Основные выводы советских ученых, какой бы темы они не касались, были типично предсказуемыми, сводились к доказательству реакционности любой религии и исторической обреченности церквей.

В тематическом плане исследовательский интерес распределялся весьма неравномерно по конфессиям. Практически не изучалось католическое, лютеранское присутствие в стране, не было исследований по истории

мусульманских, иудейских общин. В изучении старообрядчества превалировали изыскания по дореволюционному периоду.

Не очень активно исследовалось современное (на момент изучения) положение Русской православной церкви. Писавшие на эту тему¹ концентрировали внимание на критике разных сторон жизни РПЦ, ее исторического пути и, особенно, деятельности в советский период. Недостаток отечественных исследований в определенной мере компенсировался эмигрантской историографией, в которой воссоздавался трагический путь РПЦ в советской стране, анализировалась антицерковная политика государства². Проблемы церковно-приходской жизни в Западной Сибири оставались неизученными. Попытка Г. Мальцева не может считаться удачной, так как дальше традиционной критики РПЦ за ее исторические «грехи» он не вышел³.

Большинство работ было выполнено по так называемому сектантству, под которым, в первую очередь, понимались организации протестантских конфессий. Разные стороны истории баптизма-евангелизма в СССР стали центральными в публикациях П. Каушанского, А. Клибанова, Л. Митрохина и др.⁴ В. Крестьянинов, А. Ипатов посвятили свои исследования меннонизму⁵, В. Лентин, А. Белов – адвентизму⁶, А. Москаленко изучал пятидесятничество и иеговизм⁷. Все названные направления протестантизма имели, по мысли авторов, много оснований, чтобы оцениваться как неприемлемые для социалистического общества: эсхатологизм адвентистов, идея Армагеддона иеговизма, культовые радения пятидесятников, пацифизм меннонитов.

Сибирские ученые – В. Крестьянинов, А. Москаленко, П. Каушанский, Н. Костенко, Н. Рудакова и др.⁸ – активно занимались проблематикой протестантского движения в Сибири. Их работы содержат интересный материал, который подчас выступает для нас как эксклюзивный источник, как образец дотошного изучения объекта своего внимания. Однако труды названных авторов одновременно являют пример того, как исследовательская солидность и скрупулезность буквально сводились на нет теоретико-методологическими установками и подходами.

В публикациях по законодательству о религиозных культах фальсификация положения дел в религиозной сфере СССР была особенно заметной. Их авторы писали, что это законодательство обеспечивает подлинную свободу совести, но не указывали на ограничительный характер советских законов, не анализировали его нарушений со стороны властных институтов⁹.

Отечественные социологи религии¹⁰ занимались изучением состояния религиозности населения, выявлением причин сохранения религии в сознании людей. Это исследовательское направление являлось органической частью научного атеизма, подчинялось его общим целям, было призвано доказать, что в СССР успешно преодолевается религия.

Сибирские ученые тоже работали в его рамках: А. Квардаков, И. Янев, Н. Костенко, В. Чекменев. Последний выявил и описал состав отдельных религиозных общин Западной Сибири по полу, возрасту, занятости верующих, их образовательного уровня¹¹.

Положения и выводы, представленные в работах сибирских исследователей, были типичны для аналитики того периода: объективный процесс подрыва социальных корней религии по мере строительства коммунизма, а также субъективный фактор в виде атеистической работы партии способствовали снижению религиозности сибиряков; религия остается как пережиточное явление у неграмотной части населения, оторванных от активной общественной жизни слоев, паразитирует на душевных невзгодах людей.

¹ Молоков В.А., Платонов Р.П. Современное православие. Минск, 1966; Курочкин Н.С. Эволюция современного русского православия. М., 1971; Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л., 1987; Корзун М.С. Русская православная церковь. 1917–1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987.

² Карташов А. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; Боголепов А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958; Регельсон Л. Трагедия Русской церкви: 1917–1945. М., 1995; Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

³ Мальцев Г. Спасая «корабль веры». Очерки эволюции современного русского православия. На материалах Западной Сибири. Новосибирск, 1981.

⁴ Каушанский П.А. Идеология современного баптизма и ее реакционная сущность: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1962; Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Кризисные явления в современном баптизме. М., 1967; Митрохин Л.Н. Баптизм. М., 1974.

⁵ Крестьянинов В.Ф. Меннониты. М., 1967; Ипатов А.И. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978.

⁶ Лентин В.Н. Секта адвентистов седьмого дня в СССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1966; Белов А.В. Адвентизм. М., 1973.

⁷ Москаленко А.Т. Пятидесятники. М., 1973; Москаленко А.Т. Современный иеговизм. Новосибирск, 1971.

⁸ Костенко Н.А. Протестантские церкви в Сибири. Новосибирск, 1967; Он же. Реакционная сущность идеологии и деятельности протестантских сект в Сибири: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1967; Андреев А.П. Идеология и практика современного баптизма (по материалам Западной Сибири. Конец XIX в. – 1970-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Рудакова Н.М. Протестантское сектанство и атеистическая работа. Барнаул, 1984.

⁹ Клочков В.В. Религия, государство, право. М., 1978; Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1979; Кириченко М.Г. Свобода совести в СССР. М., 1985. Не случайно, спросом у читателей «самиздата» и у зарубежной публики пользовались сочинения известных правозащитников А. Левитина-Краснова и И. Шафаревича, в которых раскрывалось истинное лицо советского законодательства о культах, рассказывалось о преследованиях верующих в СССР. – См.: Левитин-Краснов А. Защита веры в СССР. Париж, 1966; Шафаревич И. Законодательство о религии в СССР. Париж, 1973.

¹⁰ Лебедев А.А. Конкретные исследования в атеистической работе. М., 1976; Кобецкий В.Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л., 1978; Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.

¹¹ Чекменев В.Ф. Состояние религиозности населения Западной Сибири и принципы научной организации атеистического воспитания (Опыт социологического исследования): Дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1967.

Из историков, занимавшихся изучением религиозной ситуации в Сибири, отметим И. Эйнгорна¹², И. Шильдяшова¹³. Историкографический раздел монографии И. Шильдяшова позволяет понять уровень разработки темы, исследовательские предпочтения специалистов по религии и атеизму в Сибири. Он призвал коллег сосредоточить усилия на показе связи снижения уровня религиозности с процессом стирания различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, выяснении причин живучести религиозных пережитков, изучении индивидуальной работы с верующими, выработке рекомендаций по антирелигиозной работе¹⁴.

Таким образом, результаты усилий большого числа исследователей в советский период были неоднозначны. Многие направления конфессиональной жизни либо не изучались вообще, либо анализировались слабо. Выводы и оценки работ по темам, которые становились объектом рассмотрения, нуждаются в существенной корректировке ввиду их несоответствия современным научным представлениям.

Постсоветское время ознаменовалось всплеском интереса к истории религиозных объединений в России. Но можно уже говорить о наметившихся пробелах. Например, при обилии публикаций о старообрядчестве, среди них по-прежнему преобладают археографические исследования, а изучение жизни старообрядческих общин в советский период пока ведется недостаточно¹⁵. Также не отмечено оживления в воссоздании истории мусульманских общин. Это касается как общероссийской ситуации, так и сибирской. Началось исследование католицизма и лютеранской церкви в России и Сибири¹⁶.

Многие протестантские конфессии, привлекавшие внимание советских ученых, не находят ныне своих исследователей. Итоги многолетнего изучения протестантизма и баптизма изложены в монографии Л. Митрохина¹⁷. Глубина, всесторонность анализа отличали Льва Николаевича даже в эпоху «научного атеизма», не стала исключением и данная книга. Обществу Свидетелей Иеговы в России посвятили свои работы Н. Гордиенко и С. Иваненко¹⁸. Их труды – пример доказательного изложения всех сторон выбранной темы. Они основаны на большом документальном материале, опровергают господствующий в современной публицистике «антикультовый» подход к оценке данной конфессии. Книга И. Ефимова о пятидесятничестве¹⁹ – единственное современное издание на эту тему. Её автору – священнику РПЦ – хватило честности с сочувствием описать ситуацию, в которой находилась церковь пятидесятников в советское время.

В современной историографии просматриваются две тенденции: 1) превалирование внимания к изучению положения РПЦ в разные периоды советской истории при очевидном недостатке исследований по другим конфессиям²⁰; 2) анализ по преимуществу государственно-церковных отношений²¹. В этом плане выделим сочинения М. Одинцова, О. Васильевой, М. Шкаровского²².

М. Одинцов одним из первых концептуально пересмотрел многие аспекты государственно-церковных отношений, дал им периодизацию, изучил деятельность Советов по делам РПЦ и религиозных культов²³.

Аналитической весомостью, фактологической солидностью отличаются работы О. Васильевой, которая всесторонне изучила деятельность РПЦ в годы войны. Ею по-новому ставится вопрос об использовании РПЦ во

¹² Эйнгорн И.Д. Религия, церковь, классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1985.

¹³ Шильдяшов И.М. Религия в Сибири и атеистическое воспитание. Новосибирск, 1982; Он же. Религия и атеистическое воспитание в Сибири (конец 1950-х – середина 1970-х гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1985.

¹⁴ Шильдяшов И.М. Религия в Сибири... Новосибирск, 1982. С. 25–35.

¹⁵ Покровский Н.Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9; Приль Л.Н. Старообрядческие общины Прикетья и Причудья в конце XIX – 80-х гг. XX в. (Опыт реконструкции жизнедеятельности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002; Воронцова Л., Филатов С. Старообрядчество: в поисках утерянного града Китежа // Религия и общество. М.; СПб., 2002.

¹⁶ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; Титова Т.Г. Римско-католическая церковь в Новосибирске в 1930–1990-е гг. // Сибирь – мой край. Новосибирск, 1999; Недзюлюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири. 1881–1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001; Лиценбергер О.А. Евангельско-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999; Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России XVI–XX вв. М., 1996.

¹⁷ Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность. СПб., 1997.

¹⁸ Гордиенко Н.С. Российские свидетели Иеговы: история и современность. СПб., 2000; Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России (историко-философский анализ): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

¹⁹ Ефимов И. Современное харизматическое движение сектантства (исторический очерк, критический разбор вероучения, положение в настоящее время). М., 1995.

²⁰ Из церковных историков отметим фундаментальную работу В. Цыпина «История Русской церкви». 1917–1997. М., 1997.

²¹ Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995; Гушина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политика подчинения духовенства. М., 1997; Тюрина Л.В. Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.

²² Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX в. М., 1994; Он же. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995; Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Она же. РПЦ в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939–1966 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; Он же. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

²³ Правда, вызывает вопрос утверждение М.И. Одинцова, что при выработке современных государственно-церковных отношений нужно диалектически соединять опыт западной демократии и российский (в том числе и советский) в решении «религиозного вопроса». Что понимается под российским опытом, который можно использовать: «симфония» при неравном партнерстве государства и православной церкви наряду с явной или скрытой дискриминацией практически всех других церквей, как это было при царском режиме, или же политика жесткого преследования всех конфессий при советском режиме? – См.: Одинцов М.И. Предисловие // Чумаченко Т.А. Государство, Православная церковь, верующие. М., 1999. С. 8.

внешне и внутривластных целях государства, подчеркивается, что руководство страны сумело вовремя оценить патриотический потенциал церкви и задействовать его не без пользы для себя²⁴.

В публикациях М. Шкаровского заслуживают положительной оценки использование им колоссальной документальной базы, постановка и рассмотрение проблем, почти не изучавшихся до него, – истории церковного сопротивления и религиозного диссидентства. Но отдельные положения М. Шкаровского не могут не вызвать возражений. Представляется надуманным его вывод о превращении в 1940-е гг. руководящих структур РПЦ в некие государственные органы²⁵. Удивляет включение им в число причин, объясняющих рост церковного сопротивления, «ошибочную политику» государства. Едва ли можно целенаправленную деятельность по уничтожению РПЦ определять как «ошибку»²⁶. М. Шкаровский сознательно пользуется как идентичными такими понятиями, как православие и Московская патриархия, РПЦ и Русская церковь²⁷. Таким образом, он, вольно или невольно, игнорирует факт, что в российское православие включаются и другие церкви и движения.

Практика некорректных подменов понятий прослеживается в сочинении не только названного автора. Во многих исследованиях под государственно-церковными отношениями понимается сложившаяся система отношений Советского государства с РПЦ, а контакты его с другими церквями и конфессиями если специально и не изымаются из рассмотрения, то нередко и не предполагаются. Такой подход далеко не безобиден как в научном плане, поскольку вне поля зрения остается история многих церквей, так и в общественно-политическом, поскольку пренебрежение ими переходит в плоскость практических действий российских властей²⁸.

В современной литературе наблюдается тенденция под видом отказа от односторонности видеть позитивные моменты в церковно-государственных отношениях в послевоенный период (Т. Чумаченко, М. Шкаровский и др.). Указанные авторы ссылаются на некоторое улучшение положения РПЦ в 1940-е гг., но при этом забывают, что подавляющее большинство других церквей и конфессий оставались изгоями и гонимыми. Да и участь самой РПЦ была незавидной.

В монографии Т. Чумаченко улавливается желание положительно оценить деятельность Совета по делам РПЦ, представить его как защитника церкви²⁹. Проблема, по ее мнению, заключалась в том, что решения Совета искажались его уполномоченными на местах. Иначе говоря, налицо старая схема о «перегибах» на местах, с которой нельзя согласиться.

Из числа других авторов следует назвать С. Филатова и Д. Фурмана, которые, изучая современную религиозную ситуацию, делают экскурсы и в советский период, справедливо полагая, что нынешнее состояние церквей невозможно понять вне предшествующего советского контекста. Актуальное в практическом и методологическом плане направление разрабатывается в исследованиях А. Красникова, А. Пчелинцева, В. Новика, И. Подберезского, занятых обсуждением вопросов свободы совести, религиозной терпимости и прав верующих. Весьма полезными оказались работы, в которых анализируются социопсихологические причины превращения массового общественного сознания из теистического по преимуществу (до революции) в антиистинское в советский период³⁰.

Сибирские историки также включены в общероссийский исследовательский поток, активно разрабатывают проблемы РПЦ в регионе на разных исторических этапах³¹. Конфессиональная история Сибири стала темой научных конференций, материалы которых изложены в специальных сборниках³². Различные аспекты жизни религиозных общин региона рассматриваются в публикациях И. Черказьяновой, Т. Савраниной, Т. Смирновой, Е. Конева, И. Черновой и др.³³ Кемеровский историк А. Горбатов работает над проблемой послевоенных государственно-церковных отношений в Западной Сибири, куда он включает политику по отношению ко всем кон

²⁴ Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 6.

²⁵ См.: Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика... 1996. С. 43.

²⁶ См.: Там же. С. 41.

²⁷ Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика... 1996.

²⁸ Например, А.В. Ливцов своё изыскание свел не столько к научным выводам, сколько к политическим, причем в недопустимой именно для научного исследования форме. Автор серьезным образом идентифицирует понятия религиозной и государственной и даже шире – национальной – безопасности, сводя первую исключительно к угрозам безопасности РПЦ. – См.: Ливцов В.А. Государственно-церковные отношения в СССР и России: проблемы религиозной безопасности (60–90-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3–4.

²⁹ Чумаченко Т.А. Государство, Православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

³⁰ Артемьева Т.В. Общество «массового атеизма» или что такое «русский бог» // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. СПб., 1991; Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.

³¹ Коголь Т.В. Русская православная церковь и государство 1917–1927 гг. (На материалах Западной Сибири): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, ТГУ, 1995; Неживых Н.А. Взаимоотношение партийных и советских органов с православной церковью в 1920–1929 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998; Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в конце 1920-х – 1930-е гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

³² Протестантизм в Сибири: история и современность. Омск. 1998; Лютеране в Сибири. Омск; Эрлангер, 2000.

³³ Черказьянова И.В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири // Немцы. Россия, Сибирь. Омск, 1996; Савранина Т.В. Этнический и конфессиональный состав немцев Западно-Сибирской равнины (конец XIX–XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Смирнова Т.Б. Изменение конфессионального состава немцев Западной Сибири в XX в. // Протестантизм в Сибири. Омск, 1998; Конев Е.В. Баптисты и меннониты города Томска во второй половине XX в. // Личность. Общество. История. Томск, 2002; Чернова И.Н. Религиозный фактор в социальных отношениях у немцев Алтайского края // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2002.

фессиям, имевшимся здесь³⁴. Свое место в разработке истории религиозных организаций Сибири занимают краеведческие исследования³⁵.

Приветствуя все эти попытки и начинания, следует признать, что имеющиеся работы даже в своей совокупности пока не дают полной картины состояния религиозных организаций Сибири в исследуемый нами период.

Определенный вклад в разработку конфессиональной истории СССР внесли зарубежные ученые. Видимо, надо иметь в виду некоторую предвзятость западных исследователей, что не могло не сказываться на содержании их работ. Вместе с тем представляется, что масштабы неточностей, допускаясь ими, не могут сравниться с той чудовищной фальсификацией положения церкви и верующих в СССР, которые содержались в большинстве официальных работ представителей «научного атеизма».

Зарубежные авторы, разбираясь в причинах антицерковных гонений, справедливо искали истоки советской политики в теоретических основаниях большевизма. Р. Конквест указывал, что В. Ленин воспринял тезис Маркса о религии как опиуме народа в более грубой и враждебной форме³⁶. У. Коларз писал, что антирелигиозная политика Советского государства создала в лице верующих новый угнетенный класс³⁷. М. Бурдо отмечал, что в Советском Союзе преследовались все церкви, будь то православная, протестантская или католическая³⁸.

Из зарубежных работ особый интерес представляют публикации на русском языке. Например, дайджест книги известного американского ученого У. Флетчера «Советские верующие», написанной им в 1981 г. Многие ее положения и выводы актуальны и сегодня³⁹. В работе английского исследователя В. Мосса предпринята попытка восстановить историю самой крупной церкви России на протяжении XX в.⁴⁰ Труд Вальтера Заватски⁴¹ представляет несомненную ценность в силу своей уникальности: советские авторы о протестантских церквях в СССР так никогда не писали, а современных интерпретаций на эту тему тоже пока нет.

Таким образом, историографическая ситуация по теме диссертации весьма неоднозначная. Как в советское, так и постсоветское время было создано немало работ, в которых разрабатывались различные вопросы деятельности религиозных объединений на разных этапах советской истории, включая 1940–1960-е гг. как на общесоюзном, так и региональном материале.

Не все в этой литературе равноценно. Работы, созданные в советскую эпоху, несли на себе отпечаток времени. Обилие интересного материала в них «смазывалось» его тенденциозной подборкой и интерпретацией. Исследовательская дотошность перечеркивалась идеологизированными и политизированными выводами. За последние пятнадцать лет произошло избавление от догматизма и мифологем советской обществоведческой науки, ведется активная исследовательская работа, осуществляется широкая издательская деятельность. Вместе с тем наметился ряд новых проблем, выявились нерешенные задачи. По-прежнему малоизученной остается история организаций большинства конфессий Западной Сибири в советский период, и особенно в 1940–1960-е гг. При этом речь идет не только о небольших и редких группах, но и о многочисленных, имевших здесь давнюю историю. Даже изучение православной церкви в регионе в означенных хронологических рамках тоже выпало из поля зрения, и это при наличии исследовательского бума по РПЦ.

Таким образом, недостаточная степень разработанности многих проблем темы обусловила потребность в системном изучении и обобщении истории религиозных организаций на значительном временном отрезке и на основе материалов крупного региона.

Во втором разделе первой главы дана оценка источниковой базы исследования. Ее составили опубликованные документы (около 50 изданий), архивные источники и материалы периодической печати.

В работе использованы документы 48 фондов 11 архивов: Государственных архивов Российской Федерации, Кемеровской, Новосибирской, Томской, Омской, Тюменской областей, Центра хранения архивного фонда Алтайского края, Центров документации новейшей истории Томской, Тюменской, Омской областей.

Выявленные источники распределены для анализа на несколько групп: нормативно-правовые акты государственной власти и директивные документы партийных органов; нормативно-регулятивные документы религиозных организаций; делопроизводственная документация; периодическая печать; документы мемуарного, биографического характера; публицистическая и агитационно-пропагандистская литература 1940–1960-х гг.

Нормативно-правовые документы государственных органов, регулировавшие разные аспекты деятельности религиозных организаций, как источники принципиально важны для уяснения условий их существования в советской стране. Они позволяют проследить, как формировалась политика партии и государства в отношении объединений верующих, ее основные этапы, какими были результаты антирелигиозных кампаний. Достоверность и полнота данного вида источников несомненна, поскольку государство и партия, создавая большинство из них, не скрывали своих намерений. Нормотворчество партии в контексте исследуемых проблем проявлялось в форме постановлений ЦК КПСС, секретариата ЦК, обкомов (крайкома), горкомов и райкомов партии. Их

³⁴ Горбатов А.В. Церковно-государственные взаимоотношения в Кемеровской области (1943–1969 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1996.

³⁵ Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2000. Томск, 2000; Чернышев А.В. Предыстория Тобольско-Тюменской епархии в послевоенный период (1947–1990 гг.). Тюмень, 2000; Устинов Л. Крестный путь. История церквей и церковно-приходских школ Нарымского края. Священники и религиозность населения. Томск, 2001.

³⁶ Religion in USSR. N.Y. – Washington, 1968. P. 25.

³⁷ Kolars W. Religion in the Soviet Union. London, 1961.

³⁸ Bourdeaux M. Risen Indeed. Lessons in Faith from USSR. L.; N.Y., 1983. P. 29–30.

³⁹ Флетчер У. Советские верующие // Социологические исследования. 1987. №4. С. 34.

⁴⁰ Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917–1990 гг.). СПб., 2001.

⁴¹ Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995.

обилие свидетельствует, какое важное место в системе идеологической деятельности КПСС отводила религиозному (антирелигиозному) вопросу.

Религиозные организации имели собственную нормативно-регулятивную базу, определявшую порядок их построения, управления, формирования руководящих органов, бюджета и т.д. Все это фиксировалось в документах, принятых высшими органами церквей. Например, сравнительное изучение «Положения об управлении РПЦ» 1945 и 1961 гг., аналогичных документов церкви ЕХБ 1945 и 1959 гг. дало возможность понять, как менялись организационно-управленческие порядки в двух крупнейших церквях, как сужалась их самостоятельность в принятии внутрицерковных решений

Из рукописей «Устава Церкви христиан веры евангельской – пятидесятников» (обнаружена в ЦХАФАК), «Устава и вероучения евангельских христиан-лютеранов в СССР» (ГАНО), брошюры-рекомендации свидетелей Иеговы «Общее проповедование в единстве» (ГАТО) было получено представление об основных организационных положениях этих протестантских церквей. К числу источников нормативно-регулятивного характера относятся текущие распоряжения руководящих центров конфессий, связанные с богослужебными церемониями, хозяйственной и финансовой сторонами деятельности общин, взаимоотношениями внутри них.

Разноплановым видом источника стали делопроизводственные материалы. Так, организационно-распорядительные документы, касавшиеся деятельности уполномоченных, раскрывают цели и задачи этого института, «механизм» его работы.

Простой перечень учетно-регистрационных документов позволяет судить о характере полученной из них информации: списки учредителей религиозного общества, членов церковного совета и ревизионной комиссии, справки о регистрации общины, ее исполнительного органа; договор о передаче церковного здания или об аренде молитвенного помещения; акты об их техническом и противопожарном состоянии, описи культового имущества. Из регистрационных анкет стали известны имена, возраст, образование священно- и церковнослужителей.

Многочисленные отчеты уполномоченных, посылавшиеся ими в советы, обкомы партии и облисполкомы, дают представление о религиозной ситуации в области, перечисляют организации, действовавшие в регионе, характеризуют религиозный актив и священнослужителей. Сопоставление отчетов по годам позволило проследить изменения в религиозной картине Западной Сибири.

В отчеты о своей деятельности зарегистрированные объединения (РПЦ, старообрядцев, мусульман, иудеев) включали данные о кадровом составе, анализ богослужебной деятельности, внутрприходских отношениях, перечень обрядов и их количество, цифры по доходности и другие показатели. Поместные церкви ЕХБ сдавали списки членов с указанием их места работы, социального положения, возраста, образования. Эти источники системны, информативны, дают представление о динамике развития общин.

К справочно-информационным делопроизводственным источникам отнесены аналитические справки о деятельности незарегистрированных религиозных групп. Они особенно важны, поскольку являются немногими свидетельствами о «незаконных» группах, но требуют осторожного отношения, так как фактологические данные справок сопровождалась предвзятыми комментариями составителей.

Это же замечание справедливо для сводок и донесений, присылавшихся спецорганами в обкомы КПСС. В них содержится информация о настроении верующих, сведения о поведении духовенства, итоги оперативно-розыскной работы. Такие документы имеются в ЦДНИ, правда, не много, за исключением специального фонда, созданного УФСБ по Тюменской области в местном архиве. Изучение его приоткрыло завесу над «технологией» работы органов с верующими.

Ценной оказалась переписка уполномоченных с советами, с областными, городскими, районными исполкомами, партийными комитетами, органами МГБ, УВД, финорганами, духовенством, верующими. Большая часть корреспонденции – это всевозможные ходатайства, просьбы, жалобы. Таким образом, делопроизводственные источники разнообразны, фактографически насыщены, информационно ценны, характеризуются высокой степенью полноты.

Своеобразные пласты информации были извлечены из периодической печати – областных, районных, многотиражных газет (около 15 наименований). Журналистская лексика сама по себе является важным основанием для исследования заявленной проблемы. В условиях перманентной антирелигиозной борьбы газеты в определяющей мере формировали общественное мнение о верующих, без уяснения которого нельзя вполне понять их историю. Периодическая печать 1940–1960-х гг. позволила также воссоздать дискурс антирелигиозных практик, вычленив устойчивые языковые употребления и приемы, призванные создать искаженный образ религии и церкви, вызвать негативное восприятие всего, что связано с ними.

Печатные органы религиозных центров («Журнал Московской патриархии», «Братский вестник», издававшийся ВСЕХБ) содержат информацию о состоянии богословской науки указанных церквей, направлениях их проповеднической деятельности, сведения о религиозных деятелях.

Пропагандистская и публицистическая литература, обильно выходящая в 1940–1960-е гг., явилась для нас не столько историографическим, сколько источниковедческим фактом. Она воспроизводит антирелигиозный дискурс, чем и ценна как источник.

В работе были задействованы все выявленные опубликованные источники по теме, основной массив которых стал издаваться с начала 1990-х гг. Анализ вышедших за это время документов вновь демонстрирует сложившуюся общенаучную ситуацию: подавляющий объем документов посвящен судьбам РПЦ и ее взаимоотношениям с государством.

ношениям с Советским государством⁴². Заслуга в деле обнаружения неизвестных источников принадлежит церковным и светским историкам⁴³. Солидные комментарии к ним делают эти публикации научным достоянием. В этом плане стоит отметить работу М. Одинцова⁴⁴. Значительное количество разнообразных документов помещено в русском варианте издания немецких составителей Р. Рессера и Г. Штриккера⁴⁵. Много работает по розыску и обработке документов тюменский краевед А. Чернышев⁴⁶. Благодарности заслуживает коллектив составителей сборника «Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.)»⁴⁷.

Немногочисленной, к сожалению, оказалась группа источников биографического, автобиографического и мемуарного характера⁴⁸.

Следует отметить недостатки в комплектовании основных для нашей темы источниковосодержащих фондов – уполномоченных Совета по делам религий. Многие дела, составлявшие их обязательную номенклатуру, утеряны. Другие представлены фрагментарно. Главной проблемой стало неравномерное наличие документов по разным конфессиям, что ограничило возможности по воссозданию истории некоторых из них.

Работа с документами советской эпохи требует особого внимания в силу тотальной идеологизации большинства источников, отсутствия в них по отдельным проблемам альтернативных взглядов, превалирования официального дискурса. Очевидно, что имело место умолчание данных, их искажение, замещение информационной среды. Все это нуждалось в анализе и оценке, поскольку фальсификация в источниках – это тоже информация об эпохе.

Изучаемые источники рассматривались как составная часть социально-культурной среды, в которой жили их составители, вне которой они не могут быть интерпретированы. Потребовалось соотнесение зафиксированных в официальных документах положений, намерений с их реальным воплощением в жизнь, обнаружение «зазора» между тем, что предполагалось и что осуществилось, выяснение причин этих несоответствий. Источники, по возможности, перепроверялись другими документами аналогичного порядка или сопоставлением одних и тех же фактов разными свидетельствами.

Критика источников, понимание того, что не все они содержат точную информацию, тем не менее, не снижает ценности источниковой базы, которая в целом характеризуется достаточной степенью полноты, достоверности, репрезентативности, научной новизны, адекватных поставленным исследовательским задачам.

В третьем разделе главы изложены основные концептуальные подходы, которыми руководствовался автор при реконструкции и объяснении истории религиозных организаций. Сложность и широта проблематики исследования потребовали обращения к теоретическим основам таких вопросов, как суть религиозной веры, роль религиозных организаций в жизни индивида и социума, структурно-институциональная организация религии, содержание понятий «религиозность», «вера» и др. Не менее важным оказался выбор теоретических объяснений причин того феноменального положения, в котором оказались церкви и верующие в советской стране.

Поскольку данные вопросы получили в литературе широкое освещение, самостоятельность диссертанта заключалась в выборе из многочисленных концепций тех, которые наиболее полно соответствуют представлениям автора, и позволили ему решить поставленные задачи.

Религия играет большую роль в жизни общества, выполняя ряд важнейших функций. Как способ освоения мира она востребована, поскольку универсальна, способна дать объяснения явлениям, где рациональные аргументы не убедительны. Религия существует потому, что человек нуждается в вере, в том числе в наличие сверхъестественного. Существует много концепций религии, по-разному ее объясняющих и толкующих. В разделе отмечается, что видимой тенденцией развития человечества стала секуляризация, которую связывают с общим техническим и общественным прогрессом. Вместе с тем очевидно что религия далека от исчезновения, а во многих местах наблюдается существенное усиление ее роли.

Как сложный феномен религии имеют свою структуру (догматика, культ, эмоциональные проявления, институты). По форме организации они делятся на церкви, деноминации и секты. Понятие «религиозная организация» включает разные союзы верующих, начиная с собственно церкви и заканчивая немногочисленной религиозной группой верующих одной конфессии, связанных местом действия, руководящим началом и совместной

⁴² Иеромонах Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992; Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917–1941 гг.) Документы и фотоматериалы. М., 1996; За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую православную церковь. 1917–1956 гг. Биографические справки. М., 1997.

⁴³ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. Сост. М. Губонин. М., 1994. Ч. 1, 2; Политбюро и церковь. 1922–1925. Новосибирск, 1997.

⁴⁴ См.: Крестный путь Патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства // Отечественные архивы: Приложение. 1994. Вып. 2; Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни Патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 5.

⁴⁵ Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.) Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Сост. Г. Штриккер. Кн. 1–2. М., 1995.

⁴⁶ Черные дни русского православия. (Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений в Тюменском крае в годы советской власти. 1917–1965 гг.). Сост. А.В. Чернышев. Тюмень, 1992.

⁴⁷ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.). Барнаул, 1999.

⁴⁸ Нестор (Анисимов Н.А.). Мои воспоминания: материалы к биографии, письма. М., 1995; Варфоломей (Городцов). Из духовного наследия митрополита Новосибирского и Барнаульского Варфоломея. (Дневник, статьи, послания). К 40-летию его кончины. Новосибирск, 1996; Георгий (Эдельштейн). Из записок сельского священника // Религия и демократия. М., 1993; Талантов Б. Воспоминания // Русская православная церковь в советское время. М., 1995. Кн. 2; Марцинковский В. Записки верующего. СПб., 1995; Шохина Л. 18 лет ГУЛАГа. Из жизни епископа Ивана Федотова. М., 1995.

религиозной практикой (такое объединение обычно называется религиозной общиной). В разделе на примере разных конфессий показаны особенности организации их общинной жизни, внутренних отношений, характер влияния общин на верующих, способы их адаптации к внешнему миру.

К числу проблем, вызывающих определенные трудности в религиозоведческой науке, относятся выбор критериев, позволяющих говорить о человеке как верующем, типологизация верующих по степени религиозности. В разделе приведены основные подходы к их разрешению. Отталкиваясь от проведенных изысканий, диссертант восстанавливает общий социо-демографический портрет советских верующих, называет такие тенденции в развитии большинства религиозных объединений, как старение, преобладание малограмотного, нетрудоспособного населения, значительное превалирование женщин, снижение интенсивности исповедных практик и др.

Вопрос о количестве верующих в рассматриваемый период не может считаться решенным, поскольку точных знаний на этот счет не существует. Но имеются определенные ориентиры, которые приводятся в диссертации. Численность верующих в стране к 1970 г. определялась, по разным оценкам, от 15 до 30–35% от числа взрослого населения. Вместе с тем понятно, что даже самые оптимальные показатели численности верующих свидетельствовали: в стране за короткий исторический срок произошел массовый отход населения от религии. Внешние успехи атеизации и секуляризации в СССР были впечатляющими. Но приходится больше удивляться тому, как вообще могли сохраниться значительные сегменты веры, если помнить о масштабах антирелигиозных практик.

Полагая, что данный феномен также нуждается в теоретическом объяснении, автор сочла возможным опираться при этом на концепцию тоталитаризма. Именно ее многие положения позволяют понять антитеизм и богоборчество советского режима. В определении тоталитаризма считается важным указание на особое стремление означенного типа государства к установлению всеобщего контроля, мировоззренческого единообразия, даже если такой контроль и не был в реальности достигнут (аргумент противников концепта).

История религиозных организаций советского периода, возможно, в большей степени, чем история других институтов общества, подтверждает наличие в советский период всех основных признаков тоталитарного режима, данных в его классических теориях, причем не только во времена правления И. Сталина. Речь идет о таких практиках, как террор, насилие, репрессии, которые религиозные организации испытывали всегда и в разных проявлениях; надзор над сознанием и поведением граждан; борьба с инакомыслием; стремление к идеологической монополии.

Акцентируется внимание на способности большевиков использовать механизмы массового общественного сознания для укрепления своего господства, в том числе путем замены веры в Бога на веру в партию, вождя. Существенным является положение, что коммунистическая партия вела борьбу с религией и церковью потому, что видела в них своих мировоззренческих оппонентов. Марксизм/ленинизм/ста-линизм в сознании значительных слоев россиян стал своеобразной иррациональной верой, псевдорелигиозной по своей сути, а многие большевистские символы заменили религиозно-церковную атрибутику.

В заключении первой главы отмечается, что проведенный историографический и источниковедческий анализ, обращение к теоретическим объяснительным моделям убеждают, что история религиозных организаций в СССР – это сложная научная проблема, нуждающаяся в дальнейшей разработке, что и объясняет исследовательский интерес автора.

Вторая глава диссертации **«Религиозная ситуация в Западной Сибири и общины православных верующих в 1940–1960-х годы»** состоит из 5 разделов. В первом анализируется религиозная обстановка, имевшая место в регионе в рассматриваемые десятилетия. Подчеркивается, что она носила комплексный характер, была предопределена всем ходом историко-культурного, социально-экономического, политического, этнодемографического развития Западной Сибири. Главной причиной формирования поликонфессионального характера региона являлись постоянные переселения, среди которых немаловажную роль играли насильственное перемещение людей, в том числе и по религиозным основаниям. В результате в изучаемые годы Западная Сибирь представляла собой чрезвычайно разнообразный в конфессиональном отношении регион. Здесь имелись общины верующих различных направлений православия и протестантизма, католиков, мусульман, иудеев. Коренное население активно воспроизводило традиционные верования.

Отмечается отсутствие возможности представить религиозную ситуацию в точных количественных показателях. Численность верующих нельзя восстановить, поскольку никакой официальной статистики на этот счет не велось. Имеются только примерные цифры по составу некоторых, в основном незарегистрированных, организаций. Традиционно в ряде конфессий персональный учет членов никогда не велся. Часть верующих вообще не принимала участия в институциональной обрядовой и богослужебной деятельности.

На это обращается специальное внимание, подчеркивается, что в условиях запрета, контроля, отсутствия специальных молитвенных помещений, кадров посвященных в духовное служение лиц внеинституциональная, или стихийно-бытовая, религиозность, возможно, была шире и массовее организованной. Нательные крестики, иконы в домах, «святые письма», апокалиптические слухи, празднование «красных дат» церковных календарей, крещение детей (пусть не по канону), имянаречение, обрезание, похороны с соблюдением хотя бы части религиозных требований – все это имело место. Подчеркивается, что хотя такие проявления веры и не свидетельствовали об ее осознанном характере и не могли служить адекватным показателем религиозности сибиряков, тем не менее они демонстрировали определенную укорененность религиозной традиции.

Из других характеристик религиозной ситуации особо отмечаются: равномерная, за немногим исключением, представленность организаций разных конфессий по всему региону, преобладание численности верующих и

количества их групп в городах и крупных населенных пунктах при наличии очень смешанной конфессиональной картины в каждом из них. Названы районы с наиболее высокой религиозной активностью. Отмечается в качестве существенной особенности резкое превалирование (в 8–10 раз) незарегистрированных, т.е. не получивших права на существование, объединений.

В разделе особо показано положение организаций трех исповеданий – католицизма, ислама и иудаизма. Католические общины Западной Сибири носили смешанный по национальному составу характер (немцы, поляки, литовцы) либо в них преобладали верующие одной из указанных национальностей. Ни одна организация католиков в регионе не была официально зарегистрирована. Их деятельность осуществлялась явочным порядком, не выходя за рамки обычных молитвенных собраний. Для местных католиков религиозная вера была, скорее, способом национальной консолидации и адаптации к сложным условиям их нахождения в иноязычной и иноконфессиональной среде.

Связь между этничностью и религией проявлялась в характере деятельности двух зарегистрированных в Западной Сибири (Омск, Новосибирск) иудейских общин, которая не выходила за пределы синагог. На примере омского иудаистского общества показаны сложности повседневного бытования верующих этой конфессии (типичные и для других): трудности материального содержания синагоги, направленность исключительно на обрядовую деятельность, внутриобщинные конфликты, нехватка подготовленных для ведения обрядовых церемоний лиц, постоянное вмешательство уполномоченного, полная подконтрольность ему.

Такие же проблемы испытывали и зарегистрированные общества мусульман. Их в регионе было чуть больше, чем иудейских, но, как подчеркивается, на фоне достаточно высокой и стабильной активности верующих мусульман, явно мало. Официально были открыты всего четыре мечети (Новосибирск, Омск, Тюменская область, ненадолго в Прокопьевске). Остальные группы исповедников ислама (местные и приезжие татары, казахи, башкиры) действовали явочным порядком. В местах их компактного проживания неинституциональная религиозность была заметной. В регионе действовало до сотни незарегистрированных мулл, которые постоянно были востребованы. Исламские традиции были тесно вплетены в ткань повседневной бытовой жизни названных национальных групп. Это же было характерно и для коренных северных и южно-сибирских народов.

Автор подчеркивает сложность выяснения характера межконфессиональных контактов в изучаемое время, поскольку документов на этот счет нет, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод об отсутствии выраженных конфликтов между верующими и организациями разных исповеданий, иначе власть использовала бы такие факты для антирелигиозной пропаганды.

В конце раздела делается вывод, что верующих всех конфессий объединяло не только место и время, но общая неприязнь к ним со стороны государства, отсутствие благоприятных условий для осуществления культовой деятельности, стремление выжить и сохранить свою веру.

В следующих **трех разделах** второй главы показано состояние приходов Русской православной церкви на территории Западной Сибири. Их разгром здесь к концу 1930-х гг. был почти полным: духовенство в массе арестовано, храмы отобраны, имущество разграблено. К 1940 г. в огромном регионе действовали всего два храма (Новосибирск и Тобольск). В таких условиях решение сталинского руководства о возобновлении деятельности РПЦ означало для православной жизни Западной Сибири буквальное возрождение.

Здесь, как и по всей стране, развернулось массовое движение за возвращение и регистрацию храмов. Во **втором разделе** описываются перипетии этой борьбы, указывается, что верующих в конечном итоге постигло разочарование: Сибирь в целом и каждая ее отдельная область оказались территориями, где меньше всего было выдано разрешений на возврат и восстановление церквей. В Томской области открылись двери всего 4 храмов, в Омской – 5, Новосибирской – 6, в Алтайском крае – 7. Только в Тюменской и Кемеровской областях цифры были побольше – 14 и 15 соответственно. Для сравнения: в Курской области действовало (1947 г.) 323 храма РПЦ, в Воронежской – 131.

Причины такой диспропорции видятся в следующем. Во-первых, в западных областях страны значительная часть храмов была открыта еще с разрешения оккупационных властей, сразу закрывать церкви в районах, пострадавших от войны, сталинское руководство не решилось. Во-вторых, в Сибири традиционно было много религиозных групп сектантского типа, поэтому власти не рисковали расширять «религиозную сеть», давая разрешение на деятельность православных общин.

В разделе показан ход событий, связанных с возвратом и восстановлением разрешенных к деятельности церквей, которые перед возвращением пребывали в весьма печальном состоянии, отмечаются трудности восстановительного процесса, самоотверженность верующих и духовенства, которые методом народной стройки возрождали из развалин свои храмы.

Подробно освещен порядок устройства и управления РПЦ и западно-сибирских приходов как ее составных частей. РПЦ была крупной, иерархичной структурой, выстроенной по схеме: Московская патриархия (патриарх) – епархии (епископ) – благочиния (благочинный) – приходы (священник-настоятель). В Западной Сибири существовали две епархии – Новосибирско-Барнаульская и Омско-Тюменская. На епископские кафедры руководитель назначался распоряжением Патриарха с одобрения Совета по делам РПЦ. В их ведении находилась забота об обеспечении условий деятельности храмов, формирование финансовых средств, назначение и перемещение священников, поддержание отношений со светской властью.

Границы благочиний в этот период совпадали с областными границами, поэтому в регионе насчитывалось 6 благочиний: Новосибирское, Томское, Омское, Алтайское, Кемеровское, Тюменское. Должность благочинного

была «неосвобожденной», ее занимал настоятель крупнейшего в округе храма, а основная задача сводилась к координации усилий деятельности приходов одной области.

Начальное звено в структуре РПЦ представляла община верующих с принадлежавшим ей молитвенным зданием. Община и храм составляли приход, которые в своей совокупности и образовывали Русскую православную церковь. Община состояла из причта (священно- и церковнослужителей) и мирян. Миряне включали в религиозный актив, церковную двадцатку, тех верующих, которые являлись ходатаями за открытие храма и брали на себя по договору с местной властью заботу о его содержании. Приход руководился настоятелем, а также выборным органом – церковным советом.

В разделе проведен анализ «Положения об управлении РПЦ» – документа, который лежал в основе построения и управления самой крупной религиозной организации страны. Выяснено, что «Положение...» 1961 г., навязанное Советом по делам РПЦ, вступало в противоречие с традициями и канонами православия. Оно коренным образом изменяло роль священника-настоятеля, поскольку не только лишало его возможности заниматься хозяйственно-финансовой деятельностью вверенного ему прихода, но и вообще выводило священников из состава общины. С 1961 г. они исполняли роль лиц, нанимаемых церковным советом для проведения богослужбных и обрядовых церемоний.

Состояние и деятельность православного духовенства Западной Сибири показаны в **третьем разделе**. В РПЦ было три иерархических степени – епископы, пресвитеры и диаконы с присущими каждой полномочиями и функциями. Отмечается, что в связи с разрушительной политикой государства, уничтожившей почти весь епископат, значительное количество священников, лишившей остальных возможности заниматься церковной деятельностью (маргинализация священства), РПЦ в целом и ее приходы в Сибири испытывали острый кадровый голод, особенно в 1940-е гг. Помимо простой нехватки кадров, также стояла проблема отсутствия у большинства священников полноценного богословского образования, преобладания среди них лиц преклонного возраста и т.д. Серьезной всегда была проблема «текучести» кадров. Даже на епископских кафедрах, особенно омской, происходила частая смена руководителей, а постоянное обновление штата многих, в первую очередь, небольших, церквей было явлением обычным. В диссертации выясняются причины этих проблем, подчеркивается, что частая сменяемость и епископов, и священников негативно сказывалась на полнокровной жизни приходов.

В разделе восстановлены биографии значительного числа пастырей РПЦ, которые служили в храмах Западной Сибири, даны характеристики большинству руководителей епархий. Отмечается, что подавляющее число священников за годы советской власти пострадали от репрессий. Обращается внимание на условия, в которых им приходилось выполнять свой долг. Развенчан миф советской пропаганды об их сверхдоходах: большая часть священников имела скромный достаток, а налоговое бремя было тяжелым.

Но главная сложность заключалась в тотальном контроле за их деятельностью и настроениями со стороны органов власти и уполномоченных, которым принадлежало решающее слово в назначениях и перемещениях священников. Власти манипулировали правом регистрации духовных лиц и старались использовать его, чтобы снять с регистрации наиболее достойных пастырей, не допустить роста числа духовенства.

Тем не менее в развитии кадрового потенциала РПЦ в регионе наблюдались тенденции к укреплению его молодыми и подготовленными кадрами из числа обучившихся в семинариях, через посвящение в сан подготовленных церковнослужителей и перевод на службу в Сибирь священников из западных областей страны. Оценивая духовенство в целом, отмечается, что в его рядах были разные люди, в том числе и недобросовестные и равнодушные. Однако большинство священников в эти годы стремились достойно выполнить миссию пастырского служения.

В **четвертом разделе** второй главы реконструированы различные аспекты внутрприходской жизни РПЦ. Автор останавливается на деятельности, связанной с обустройством храмов и укреплением их материального положения, анализирует проповедническую и богослужбную сторону, характеризует обрядовую практику. Сделан вывод, что содержательная направленность проповедей, произносившихся с амвонов храмов Западной Сибири, была сужена сугубо библейскими сюжетами и морализаторским их комментированием, что большинство священников предпочитали не затрагивать в проповедях социальные и, тем более, политические темы, за исключением поддержки миролюбивой политики государства. Верующие и духовенство РПЦ в этот период были в массе своей законопослушны и лояльны власти.

В условиях жесткой внешней регламентации существенно была ограничена вся культово-обрядовая деятельность. В разделе прослежена динамика роста доходности православных приходов. Отмечен ее связь с ростом числа обрядов, совершаемых в церквях Западной Сибири. Вместе с тем специально указывается, что рост доходности нельзя преувеличивать. Тем более нельзя говорить и о пропорциональной зависимости этих тенденций. Существенны были постоянно возрастающие расходы приходов.

Власти раздражались фактом укрепления положения церквей и прилагали разные усилия к снижению их доходности, пока с 1958 г. на РПЦ не началось новое открытое наступление. Автор подчеркивает, что среди целей этого наступления было не только желание ликвидировать мировоззренческого противника, но и сугубо материальные намерения ограбить окрепшую церковь: конфисковать здания, дорогую утварь, перевести денежные счета приходов в распоряжение светской власти.

Диссертант подробно показывает, как осуществлялся новый антицерковный поход в Западной Сибири, подводит его итоги. Число действовавших здесь храмов РПЦ к 1963 г. уменьшилось с 56 (в середине 1950-х гг.) до 20 с небольшим. Серьезная угроза закрытия нависла и над другими храмами.

Таким образом, по оценке диссертанта, в рассматриваемые годы РПЦ в Западной Сибири, как и во всей стране, в своем развитии прошла несколько этапов. Первый был связан с возвращением и восстановлением некоторого числа приходов. Второй этап характеризуется относительно стабильным положением церквей, налаживанием в них если не полнокровной, то достаточно систематической обрядовой деятельности. Он закончился в 1958 г., когда началось новое сокращение церковной сети. С середины 1960-х гг. наступил период новой стабилизации, но уже в оставшихся церквях и на уровне элементарного выживания.

Последний **пятый раздел** второй главы содержит общий обзор состояния организаций таких направлений православия, как старообрядческие и истинно-православных христиан. Автор замечает, что старообрядчество для Сибири явление давнее. До революции именно оно было здесь одной из самых многочисленных конфессий. Традиционно в Сибири присутствовали представители разных согласий и толков «ревнителей старой веры». После 1917 г. старообрядчество стало заметно сокращаться. Причины этого заключались не только в антицерковной политике власти, но и в том, что в ходе социалистических преобразований исчезали социальные слои, составлявшие базу староверов. Кроме того, большая часть направлений старообрядчества никогда не вела активного миссионерства. Общины пополнялись в основном за счет семейного воспитания.

Данная тенденция в развитии подтверждается и материалами по старообрядцам 1940–1960-х гг. В это время официально в Западной Сибири были зарегистрированы только две церкви старообрядцев белокрыницкого согласия. Их общины при томском и новосибирском храмах были небольшие (250–500 человек), но стабильные, хотя их состав подвергался называвшимся уже трансформациям: уменьшение притока молодых, перевес численности женщин и представителей нетрудоспособного населения.

В регионе фиксировалась деятельность еще нескольких общин белокрыницкого согласия, называются места размещения и деятельности староверов-поморцев, федосеевцев. Встречались локальные группы и более редких направлений: часовенные, чашечники, дырники. Более подробно показаны истинно православные христиане-странствующие – направление, которое последовательнее всего разделяло взгляд на абсолютную греховность внешнего мира. Придерживаясь в своем поведении линии на то, чтобы избежать контактов с ним, они уходили и поселялись в «пустыни» (например, глухие места томской тайги), вдали от благ цивилизации, вели натуральное хозяйство. В рассматриваемое время поселения пустынников несколько раз разгонялись, разрушались, но через некоторое время их обитатели возвращались обратно. Автор делает вывод, что, возможно, такое сознательное отшельничество с точки зрения секуляризованного мира выглядело как дикость и фанатизм, но сами верующие считали, что они спасают веру и свои бесценные души.

В Западной Сибири в 1940–1960-е гг. имелись представители еще одного направления спасителей чистоты веры – сосланные сюда из центральных областей России истинно православные христиане (ИПХ). В работе дается оценка их религиозным и общественным взглядам: негативное отношение к советской власти и всем ее проявлениям (выборы, колхозы, служба в армии) и к Московской патриархии как предательнице идеалов РПЦ и услужнице безбожного режима. Высылка в Сибирь верующих ИПХ в рассматриваемое время осуществлялась неоднократно. Поселявшиеся на новых местах, они не только не отказывались от своих религиозных убеждений, но и пытались «вербовать» сторонников среди местных жителей.

В разделе обращается внимание и на такое проявление православной жизни в Западной Сибири в указанный период, как деятельность неканонических объединений православных верующих.

В заключение второй главы сформулирован вывод о том, что, несмотря на религиозное многообразие, в Западной Сибири среди верующих преобладали исповедники православия. Православный сегмент в религиозной картине края был не только доминирующим, но и внутренне разнообразным. Среди православных общин в свою очередь преобладали приходы РПЦ.

В третьей главе «**Протестантские церкви в Западной Сибири в 1940–1960-е годы**» раскрывается деятельность объединений различных протестантских направлений. В изучаемые годы они были широко распространены по всей Западной Сибири и проявляли особую активность.

Восстановлена география размещения общин протестантов, даны краткие исторические справки о них, оценки вероучительной стороны, организационно-управленческой структуры. Выявлены социо-демографические характеристики состава объединений. В **первом разделе** рассмотрена история церкви евангельских христиан-баптистов. По количеству зарегистрированных общин это была вторая после РПЦ конфессия в регионе. Кроме того, в каждой области действовали явочным порядком до десятка и более незарегистрированных групп.

Церковь ЕХБ возникла в СССР в результате слияния нескольких ранее самостоятельных направлений протестантизма: баптизма, евангелизма и отчасти пятидесятничества. Сибирские общины были первоначально сформированы аналогичным образом. Пребывание в составе объединенной церкви хотя и близких по духу, но все-таки разных направлений, сопровождалось определенными трудностями. Имели место конфликты, заканчивавшиеся выходом из объединения пятидесятников.

За исключением этих трений, общины ЕХБ в Сибири были устойчивыми, с четкой внутренней дисциплиной, весьма жизнедеятельными. Последнее проявлялось в регулярной внутрицерковной активности: собрания, молитвенные сборы, продуманные обрядовые церемонии, хотя сама обрядность была немногочисленной и скромной. Отмечается хорошо поставленная проповедническая деятельность, которая не ограничивалась стенами молитвенного дома. Евангельские христиане-баптисты вели миссионерскую работу, дававшую определенные плоды. Общины ЕХБ в рассматриваемое время имели тенденции, хотя и к незначительному, но росту. Важным каналом их пополнения было религиозное воспитание в семьях верующих. Катехизации детей и моло

дежи баптисты, как и все протестанты, уделяли серьезное внимание. По демографическим характеристикам общины ЕХБ не слишком отличались от организаций других конфессий. Членов этой церкви отличало добросовестное отношение к труду. Следует заметить, что значительная часть верующих была в трудоспособном возрасте.

Особенностью церкви была тщательная подготовка человека к принятию в ее члены, которое осуществлялось через водное крещение. В соответствии с протестантским принципом сознательного выбора веры до крещения не допускались лица моложе 18 лет. В диссертации анализируется пресвитерский и проповеднический состав поместных церквей, указывается, что в каждой сибирской общине с проповедями выступали по несколько подготовленных «братьев».

Обращается внимание на то, что внутриобщинная жизнь была очень насыщенной, но не ограничивалась только религиозными делами. Здесь обсуждались разные проблемы, в том числе бытовые, оказывалась моральная и материальная поддержка нуждавшимся единоверцам. В крупных общинах существовали музыкальные коллективы, везде имелись хоры, декламатические кружки и т.д.

Поскольку церковь ЕХБ была официально признанной, большая часть верующих была настроена в целом лояльно к существующей общественной системе. Активно в этом направлении работало руководство церкви – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Он находился под полным контролем Совета по делам религиозных культов, выполнял все его распоряжения, даже те, которые вступали в очевидное противоречие с канонической традицией и догматическими требованиями церкви. Особенно наглядно такая соглашательская позиция проявилась в 1959 г., когда ВСЕХБ разослал по поместным общинам новое «Положение о ЕХБ» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам».

В данных посланиях был перечень запретов: на обучение религии детей, на привлечение их и подростков к молитвенным собраниям, на крещение в возрасте до 23 лет, на допуск для проповедования приезжавших единоверцев из других общин. Увеличивался испытательный срок перед приемом в члены церкви с года до двух-трех лет. Таким образом, зарегистрированная донельзя и ранее деятельность разрешенных церковью еще более ограничивалась. Указанные документы были приняты под давлением светской власти и по времени совпали с общим наступлением на церковь и религию, развернутым в конце 1950-х гг.

Для церкви ЕХБ появление новых инструкций сыграло драматическую роль и привело к расколу в ее рядах. Многие, особенно из числа молодых активистов, высказались против выполнения присланных указаний и повели работу по созыву съезда, на котором можно было бы обсудить сложившуюся ситуацию, заслушать отчет руководства.

Развернувшееся движение инициативников набирало силу, получало поддержку во многих общинах. Как оно развивалось в поместных церквях Западной Сибири, показано во **втором разделе** третьей главы. В нем отмечается, что предложения инициативной группы по созыву церковного съезда активно поддерживались сибирскими баптистами, особенно в Кузбассе, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае. В местных общинах соглашательская позиция ВСЕХБ, призыв к соблюдению религиозных канонов, требование к властям не вмешиваться во внутреннюю жизнь церквей, соблюдать принцип отделения церкви от государства отстаивались в первую очередь верующими-немцами и более молодыми членами церкви.

Выясняя причины, почему именно в баптистской церкви возникло столь необычное для этого времени сопротивление, автор отмечает, что истоки его надо искать в характере вероучительных и организационных принципов, большей демократичности поместной церкви. Видимо сказывалась и ее историческая традиция существования в России вопреки желанию государства.

В разделе показаны мужественные усилия баптистов-инициативников Сибири в борьбе за самостоятельность церкви, религиозную свободу, поскольку им пришлось противостоять не только руководству ВСЕХБ, но и более мощному оппоненту в лице государства. Высоко оценена роль инициативников как одной из немногих сил, которые посмели в рассматриваемые годы подняться против тотальности государства. Автор считает, что, по сути, только в баптистской церкви возникло реальное сопротивление гонениям, полагает, что в конечном итоге это была не просто борьба за свободу конкретной церкви, но всех верующих, да и общества в целом.

Помимо объединений евангельских христиан-баптистов, в Западной Сибири действовали организации таких протестантских направлений, как меннонизм, лютеранство, адвентизм, пятидесятничество, иеговизм. В **третьем разделе** главы выяснена специфика вероучения, организационных принципов каждой из конфессии. Анализируется проповедническая, миссионерская деятельность. Отмечается, что все протестантские группы в Сибири, за исключением двух десятков общин ЕХБ, существовали нелегально, поскольку не имели регистрации. Меннониты не признавались за идею пацифизма (соответственно, нежелание служить в армии), которая не вписывалась в советскую идеологию. Принципиальным был отказ от службы в армии свидетелей Иеговы, адвентистов-реформистов и отдельных направлений пятидесятничества. Позиция иеговистов советским государством вообще оценивалась как антисистемная (они еще и не участвовали в выборах). Церковь пятидесятников носила ярлык изуверской, приносящей вред здоровью ее последователям.

При характеристике меннонитских общин отмечается в качестве отличительной черты их мононациональный состав – членами западно-сибирских общин были только немцы, а также тесное переплетение религиозных и национальных традиций, что проявлялось даже на бытовом уровне. Особое внимание обращено на то, что возрождение общин меннонитов, а также лютеран, части пятидесятнических организаций, состоявших из немцев, началось практически на десять лет позднее, чем датируется общее религиозное оживление в стране. Это связано с тем, что только к середине 1950-х гг. стали возвращаться из заключения руководители трех указан

ных церквей, а до того деморализованное, находившееся на спецпоселении немецкое население не могло проявлять активности по воссозданию общин. Именно с этого времени в Западной Сибири стало расти количество организаций меннонитов, лютеран, увеличиваться их численность. Больше всего их фиксировалось в Омской области и на Алтае, что было связано с особенностями расселения немцев в Сибири.

Хотя первые верующие-иеговисты появились в регионе еще до Октябрьской революции, распространение их организации получили здесь с конца 1940-х – начала 1950-х гг. после почти поголовной высылки иеговистского актива и их семей из западных областей. Больше всего иеговистов было в Томской области. Помимо отмеченной специфики общества Свидетелей Иеговы, проявлявшейся в очевидном антиэтатизме, можно назвать также: оригинальное толкование Священного писания (за что их не признают даже некоторые протестантские направления), особую структуру Всемирной организации с центром в Бруклине (повод подозревать в антисоветизме), напористое миссионерство. Распространение своего учения – требование каждой протестантской конфессии, но иеговисты держали это направление деятельности под особым контролем, превратив его в обязанность каждого верующего. За свою активность в Западной Сибири члены организации Свидетелей Иеговы неоднократно подвергались наказаниям, но подавляющее большинство выбравших этот путь к Богу с него не сходило.

Стойкость, несмотря на запреты и преследования, проявляли и верующие-пятидесятники (христиане веры евангельской), чьи общины, хотя и не очень крупные, имелись в разных районах Западной Сибири. Специфика пятидесятнической веры, выделявшей их из общего протестантского потока, заключалась в чрезвычайной эмоциональности. Как считали пятидесятники, их вера более искренняя, более живая и непосредственная. В рассматриваемые годы вокруг общин ХВЕ ходило много слухов. За экстазм, веру в возможность нисхождения Духа Святого на верующих, в то, что результаты этого сошествия осязаемы (глоссолалия–иноговорение), за их специфические коллективные моления, превращавшиеся в своего рода радения, они подвергались особому подозрению, неприятию и преследованию. Среди активистов церкви в Сибири было немало тех, кто неоднократно наказывался властью за организацию и руководство общинами. Последователи веры в Духа Святого в регионе вынуждены были проводить собрания втайне, меняя адреса квартир, выезжая за город, устраивая их глубокой ночью. Пример пятидесятников лишний раз убеждает, насколько принципиальным является для людей личный мировоззренческий выбор, который побуждал их не отступать от веры, несмотря на преследования, непонимание со стороны окружающих.

Последователи другого новопротестантского направления – адвентизма – являли яркий пример веры в свое избранничество. В их истории находит подтверждение еще одно существенное наблюдение: ссылка в Сибирь актива той или иной конфессии приводила к заметному оживлению организаций этого исповедания в регионе. В случае с адвентизмом это было связано с деятельностью сосланного сюда П. Мацанова, который на время превратил место своего пребывания (г. Новосибирск) в один из центров российского адвентизма. В разделе отмечается, что в организации и деятельности адвентистов седьмого дня было несколько раздражавших власть моментов. Из своеобразной трактовки Священного Писания они рассматривали субботу как особый день, который верующий должен посвятить Богу. Соответственно, возникала проблема так называемой трудовой дисциплины: работающие на предприятиях адвентисты в субботу устраивали себе выходной, детей в этот день не пускали в школу. Другой момент был связан со сбором десятины. Со времени создания этой церкви здесь закрепились традиции, что каждый член организации должен отдавать десятую часть личного дохода в её пользу. В советских условиях это рассматривалось не иначе как нарушение законодательства, запрещавшего религиозным организациям принудительный сбор средств.

В заключении главы подчеркивается, что организации протестантских конфессий не просто разнообразили религиозную ситуацию в Западной Сибири, но являлись одними из самых распространенных и, что особо важно, активно практикующими. Несмотря на трудные условия существования, объединения ЕХБ, меннонитов, лютеран, иеговистов, пятидесятников, адвентистов не просто номинально существовали, но почти в полном объеме организационной, вероисповедной и культовой деятельности соответствовали требованиям поместной церкви. Объяснение этому следует искать в специфике протестантского вероучения, его организационной и культовой практике. Простота и немногочисленность обрядов, отсутствие строгой привязки к молитвенному зданию, традиция всеобщего священства и проповедничества – все это делало протестантские организации адаптивными, воспроизводимыми, жизнестойкими.

Четвертая глава «**Религиозные организации и Советское государство**» состоит из трех разделов и посвящена анализу концептуальных и правовых основ вероисповедной политики Советского государства, показу практической деятельности в этом направлении органов власти и правящей партии. Подчеркивается, что в 1940–1960-е гг. жизнь и деятельность церквей и конфессий зависели, подчас решающим образом, от религиозной политики государства, под которой в данном контексте понимается осуществление им своих основных функций в религиозно-духовной сфере. Столкновение возникшей в 1917 г. политической системы с религией и церковью было неизбежно. Это определялось теоретическими постулатами атеистического материализма, которые разделяли большевики. Их принципиальные установки заключались не только в богоборчестве, но и в решительном разрушении и уничтожении всякой религии, всех церковных институтов. Провозглашая борьбу с ними в качестве одной из своих задач, правящая партия сделала ее решение прямой обязанностью государства и всех его институтов. Поэтому с первых лет советской власти на религию, церковь и верующих оказывалось давление, которое не ослаблялось на всем протяжении советской истории, включая и 1940–1960-е гг.

Диссертант предлагает более дробную, чем это принято в большинстве публикаций по аналогичной тематике, периодизацию государственно-партийной политики в рассматриваемые десятилетия с целью уяснения всех её нюансов. По мнению автора, первый этап (1940–1948 гг.) характеризуется некоторой либерализацией политики. Специально уточняется, что «потепление» затронуло далеко не все церкви и конфессии. Второй этап (1949–1953 гг.) обозначен как период относительно «спокойных» государственно-церковных отношений, когда государство не предпринимало слишком решительных мер против «разрешенных» церквей. На третьем этапе наблюдалось развертывание пропагандистских кампаний, направленных на «окончательный» отрыв верующих от религии посредством атеистического воспитания (1954–1957 гг.). Четвертый этап знаменовался новым мощным институциональным наступлением на церкви (1958–1965 гг.). На пятом этапе (1966–1970-е гг.) шумные антирелигиозные акции сменились упорной борьбой с религиозными диссидентами, дальнейшим ограничением деятельности организаций под предлогом необходимости соблюдения законодательства о культах.

В первом разделе анализируются причины изменения политики государства на каждом из этапов, особо подчеркивается, что при всех ее внешне существенных переменах речь может идти только об изменении тактической линии при сохранении стратегических целей ликвидации религии и церкви. Так, обстоятельства военного времени заставил государство несколько приостановить натиск на некоторые церкви и создать для их существования определенные условия. При этом лояльность государства не простиралась дальше тех пределов, которые оно само определяло в своих отношениях с религиозными организациями, но которые все-таки позволили последним несколько оживить свою деятельность.

С приходом к власти Н. Хрущева начали наблюдаться подвижки в религиозной политике, видимым проявлением чего стал выход в 1954 г. двух постановлений ЦК КПСС, которыми четко было заявлено, что задача борьбы с религией и церковью оставалась приоритетной. Она вступала в новый этап и предполагала в первую очередь идейную дискредитацию религии и ее институтов. Но скоро хрущевское руководство от борьбы средствами пропаганды перешло в мощное институциональное наступление. Период с 1958 г. вошел в историю религиозных организаций как один из самых драматичных. За несколько лет в стране и в Западной Сибири резко сократилось число действовавших православных храмов, были сняты с регистрации общины других конфессий, произошло сокращение служившего духовенства. Усилилось вмешательство государства во внутренние дела церквей, навязывание им новых организационно-управленческих решений.

Отмечается, что каждый новый курс в религиозной политике не стоит связывать с личными качествами лидеров государства. Обращается внимание на то, что помимо общепринятого объяснения церковной политики при Н. Хрущеве (программа ускоренного строительства коммунизма требовала быстрой ликвидации чуждых ему явлений) заслуживает внимание и её толкование желанием ликвидировать последствия сталинского периода. Таким образом, это в целом ценное для общества намерение для религиозных организаций обернулось резким ужесточением. Сталинский либерализм 1940-х гг. (весьма скромный) по отношению к ним был оценен как излишний.

На примере деятельности регионального советского и партийного руководства показано, как политика осуществлялась реально, на практике. Подчеркивается, что не стоит преувеличивать те возможности, которые получили религиозные организации отдельных конфессий в 1940–1950-е гг. Раздел наполнен фактами, показывающими, что на протяжении всех трех изучаемых десятилетий религиозные объединения ощущали неизменный прессинг, моральный террор, их деятельность подвергалась мельчайшей регламентации. Постоянным и разнообразным было преследование верующих, оскорбление их религиозных чувств, а представители духовенства, религиозный актив были главной мишенью антицерковной политики местных властей.

Обращено внимание на то, что государство к достижению своих целей подключало все советские институты и общественные организации. Дается оценка работе спецорганов, которые выступали едва ли не главными контролерами верующих и их организаций. Показано, что вдохновителем, организатором антирелигиозного и антицерковного похода была коммунистическая партия, дана оценка этого направления работы западно-сибирских комитетов КПСС.

В главе проведен анализ интересного феномена советской истории – антирелигиозной пропаганды. На материалах Западной Сибири выяснены ее цели, концептуальные установки, методы, характеризуется ее содержание. Существенными чертами антирелигиозной пропаганды были широкомасштабность и многоструктурность (в нее вовлечены были все воспитательные, образовательные, культурные институты, СМИ), перманентность (с периодами особой активизации). С содержательной стороны она отличалась некорректностью, оскорбительным тоном, оголтелостью, упрощенностью в теоретическом плане, которая в реальной практике выливалась в определенный примитивизм в объяснении религии и церкви.

Во втором разделе выясняется правовое положение религиозных организаций, подчеркивается, что формирование нормативно-законодательной базы в этой сфере являлось существенным проявлением антирелигиозной политики государства. Правотворчество в религиозном вопросе служило целям политики. Основным правовым актом, который лежал в основе советского законодательства о религиозных культах, был Декрет 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который оценивается как в целом приемлемый документ, дававший возможность строить вполне цивилизованную политику в религиозной сфере. Но, как и другие декреты советской власти, он остался нереализованным в своих главных положениях. Отделив от себя церковь, государство бесцеремонно вмешивалось в ее дела. Точно также остались лишь на бумаге важнейшие принципы Конституции СССР. Весь материал представленной диссертации убедительно доказывает, что ни принцип свободы совести, ни принцип отделения церкви от государства, ни принцип равенства граждан, неза-

висимо от их религиозных взглядов, не получили реального воплощения в СССР за все годы советской истории, включая 1940–1960-е гг.

В стране было сформировано так называемое законодательство о культах, которое носило по преимуществу регламентирующий, запретительный характер, было направлено на ограничение свободы религиозной деятельности, тотально контролировало ее. Само обозначение правовой системы как законодательства о религиозных культах было не просто неграмотным и оскорбительным, но со всей очевидностью демонстрировало, что многообразие религиозных проявлений сводилось только к отправлению обрядов, да и то со множеством оговорок.

Все представленные в разделе выводы базируются на основе анализа комплекса постановлений, законов, указов, распоряжений, инструкций, которые нормировали деятельность религиозных объединений. Главным в этом списке было постановление 1929 г. «О религиозных организациях», на основе которого строился порядок их жизнедеятельности и в рассматриваемые годы. Дана оценка этому постановлению.

Рассмотрены нормы, регулировавшие хозяйственно-финансовую деятельность религиозных структур. Специально обращено внимание, что она существенно осложнялась отсутствием даже у зарегистрированных организаций права юридического лица, приведены примеры, как государство с выгодой для себя использовало налоговое законодательство.

Важной для уяснения положения религиозных организаций в стране является представленная в разделе характеристика соответствующих статей и положений уголовно-административного законодательства. Показано, что они постоянно ужесточались, составлялись таким образом, что религия, вероисповедная активность нередко выступали как отягчающее вину обстоятельство при оценке деяний верующих. Активное применение против них статей УК выливалось в многочисленные судебные процессы, заканчивавшиеся суровыми приговорами для религиозных деятелей, по отношению к которым распространена была практика уголовного рецидива. Против верующих отдельных конфессий активно применялись и другие статьи: о привлечении и наказании тунеядствующих, за отказ получать паспорт, служить в армии, за распространение заведомо ложных измышлений об общественном строе и даже за шпионскую деятельность и др.

Таким образом, на примере разработки и применения законодательства о религиозных культах видно, что тоталитарное государство умело использовало свое право на легитимное насилие, подводя антицерковную практику такие суровые законы, что и их было достаточно для достижения цели ликвидации религии и ее институтов. Советское законодательство о культах превращалось в мощное средство контроля над гражданами и организациями.

В **третьем разделе** четвертой главы изучена деятельность органов государственного контроля за религиозными организациями – Советов по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов при Совете министров СССР, практика функционирования института уполномоченных этих Советов в Западной Сибири. Советы были созданы для организации связи между государственными органами и религиозными объединениями, разрешения вопросов, связанных с деятельностью последних. Предполагалось, что это будет некое связующее звено, нейтральное в своих предпочтениях, призванное удерживать государственно-церковные отношения в правовых рамках.

На основе большого количества фактов доказано, что Советы и их уполномоченные на местах не просто превратились в основных контролеров, но стали институтами, регулирующими внутреннюю жизнь большинства церквей и конфессий страны. Автором впервые детально восстановлена деятельность не только самих Советов (на этот счет есть много исследований), но и их представителей на местах, во всех западно-сибирских областях и Алтайском крае, показаны формы и методы их работы, механизм их взаимодействия с Советами, областными властями, партийными комитетами, спецорганами.

Анализ деятельности уполномоченных в Западной Сибири позволил автору поставить под сомнение вывод Т. Чумаченко о том, что именно они на местах допускали искажение «правовой» линии Советов в отношении с религиозными объединениями в сторону ужесточения. Многочисленные документы свидетельствуют, что уполномоченные были лишь добросовестными исполнителями распоряжений Советов, а «перегибы» если и были, то от желания быстро выполнить очередное предписание из Москвы или от местной власти. Большинство инициатив уполномоченных, направленных на ограничение деятельности религиозных организаций, встречали одобрение и поддержку в Советах.

Показано, сколько усилий прилагали уполномоченные по сокращению «религиозной сети», как настойчиво они добивались ликвидации религиозных организаций, как непримиримо, а часто очень предвзято относились к священникам, пресвитерам, религиозным руководителям. В руках уполномоченных была сосредоточена большая власть: все вопросы жизнедеятельности – регистрация общин и духовенства, поддержание материального благополучия приходов, проведение обрядовых церемоний, поездки священников по вызовам верующих – решались только через уполномоченного и чаще всего – не в пользу верующих. Огромные возможности, которыми они обладали в деле контроля и ограничения деятельности религиозных организаций, делали этот институт подчас судьбоносным для них. Но понятно, что Советы и уполномоченные были лишь проводниками государственной политики и линии партии.

Автор, подчеркивая, что в истории России государство всегда вмешивалось в вопросы веры, церковные дела, предлагает не отождествлять практику контроля над церковью самодержавного и советского государства, поскольку он осуществлялся на совершенно разных идеологических основаниях. Нельзя сравнивать и практики работ обер-прокурора Синода и Совета по делам религий. Обер-прокурор все-таки представлял, государство в

целом покровительствовавшее религиозной вере и поддерживавшее основную церковь, а Совет и уполномоченные представляли государство воинствующего безбожия.

В заключении четвертой главы сделан вывод, что именно по отношению к религии, церкви, верующим можно судить о неизменной тоталитарной сущности советского политического режима и государства как в 1940–50-е, так и в 1960–70-е гг., как при И. Сталине, так и при Н. Хрущеве и Л. Брежнев.

В **заключении** диссертации подведены итоги проведенного исследования, сделаны обобщающие выводы.

Религиозная ситуация в Западной Сибири в 1940–1960-е гг. характеризовалась несколькими основными чертами. Часть из них соответствовала общесоюзным показателям: конфессиональное многообразие, полинациональный состав верующих, тенденция к снижению численности исповедовавших религиозную веру, старение состава, преобладание в религиозных объединениях женщин. Вероучение и культ сибирских организаций не имели отличительных черт от аналогичных организаций других территорий страны. Одинаковым было воздействие внешних условий существования, заключавшихся в нахождении в атеистическом государстве.

Вместе с тем в религиозной жизни в Западной Сибири были и свои особенности: наличие меньшего, по сравнению с европейской частью страны, числа действовавших храмов РПЦ, соответственно, превалирование так называемых сектантских организаций, резкое преобладание незарегистрированных религиозных объединений, а также наличие среди верующих значительного количества лиц, пострадавших от репрессий со стороны государства, большой элемент оппозиционных настроений, значительная активность многих религиозных организаций Сибири как следствие постоянного притока сюда в результате ссылки проповеднического актива, руководителей религиозных центров. Причем религиозное многообразие было характерно здесь не только в целом для Западной Сибири как региона, но и каждой области, каждого крупного населенного пункта.

Отмеченные характеристики религиозной ситуации Западной Сибири в 1940–1960-е гг. не противоречат предположению о типичности исторических судеб религиозных организаций региона с судьбами объединений всей страны. Их жизнедеятельность в это время была крайне затруднена, как у зарегистрированных, так и у не получивших права на существование. Нехватка молитвенных помещений или их отсутствие, малочисленность подготовленных кадров духовенства и их высокая текучесть, дефицит религиозной литературы, мельчайшая регламентация со стороны власти любой деятельности или ее полный запрет для большинства организаций, агрессивность антирелигиозной и антицерковной пропаганды – таковы были самые общие условия осуществления исповедной практики верующими всех конфессий.

Анализ деятельности объединений различных конфессий позволяет сделать вывод об их месте и роли в жизни общества и личности. Религиозные организации и в советские времена оставались важным социальным институтом, выполняя в нем ряд существенных функций – мировоззренческую, социализации, компенсаторную, коммуникативную. О них можно говорить как о едва ли не единственных для советского периода проявлениях несанкционированной властью самоорганизации, самоуправления людей. Религиозные организации в рассматриваемое время для подавляющего большинства верующих были местом, где они ощущали свою востребованность, могли выразить культурно-национальную идентичность. Величайшей заслугой верующих было поддержание в себе и воспроизводство в других религиозных чувствах, сохранение религиозной веры для потомков. Они, обеспечивая явочным порядком деятельность неразрешенных религиозных организаций, создавали своеобразное протестное движение против системы, скорее всего, сами того не сознавая. Из числа верующих выходили и сознательные борцы с режимом, которые выступали за подлинную свободу совести в СССР.

Советская власть не смогла успешно решить задачи ликвидации религии и церкви потому, что никто в нашей стране не отстаивал так упорно право на мировоззренческий выбор, как верующие.

Правда, нельзя отрицать, что за советский период произошло массовое отторжение людей от религиозной веры. Успехи атеизации были налицо: сокращение численности верующих и количества религиозных организаций, снижение показателей по обрядности, замена религиозного мировоззрения на рационально-атеистическое у большинства населения. Очевидно, что определенную роль в атеизации страны сыграла политика правящего режима. Уничтожение одних верующих, запугивание других, перевоспитание третьих не могло не сказаться на результатах секуляризации, хотя, как становится теперь понятно, религиозная вера не ушла, она стала как бы латентной. За годы советской власти были утрачены все институты и агенты религиозной социализации, а система воспитания в советский период была направлена на опорочивание религии, истории церковей, создание отрицательного образа духовенства и верующих. Все это не могло не сказываться на численности верующих.

Понятно, что секуляритивный процесс и отход от религии в СССР имели не только вышперечисленные субъективные причины. Можно говорить и об определенных объективных предпосылках, характерных в целом для мировой цивилизации в XX в.: развитие науки и техники, рост образования, урбанизация, материальный достаток объективно сужают факторы воспроизводства религии.

Ясно и другое: при всех достижениях цивилизации религиозная вера постоянно воспроизводится как в традиционных, так и новых формах. Видимо, были, есть и будут личные и общественные проблемы, которые люди разрешают с помощью религиозной веры. В таких условиях попытки насильственно искоренить её, во-первых, обречены на неудачу, а во-вторых, приводят к использованию аморальных средств, покушениям на свободу и достоинство личности.

Советский опыт – тому доказательство. Кроме того, он является свидетельством антигуманной сущности советского режима и марксистской идеологии, которая, «освящая» борьбу за человека, приводила к борьбе против него. Оправдания насилию против религиозных организаций быть не может. Очевидно, что никакой «физической» опасности для государства в 1940–1960-е гг. они уже не представляли. Одни – по причине лояльности, дру

гие – по причине достаточно сильной изоляции и самоизоляции от общественной жизни, все вместе – по причине истерзанности и ослабленности в предыдущий (1920–1930-е гг.) период.

Многолетний опыт борьбы и конфронтации не обогатил общество. Безрелигиозное воспитание нескольких поколений людей в нашей стране, приправленное привычкой не принимать и не прощать инакомыслия, негативным образом сказывается на состоянии современного общественного сознания россиян. Поликонфессиональный и полиэтничный характер российского общества, обилие конфликтных факторов в нем предопределяют насущную потребность воспитывать граждан в духе терпимости к разным мировоззренческим, национальным, религиозным традициям, к различным вероисповеданиям и их последователям, равно как и к атеистически настроенным людям. Вопросы личной веры или неверия должны решаться спокойно, взвешенно, быть делом личным, результатом свободного и осознанного выбора. Этому учит нас исторический опыт.

Апробация исследования. Основное содержание и выводы диссертации представлены в опубликованной монографии и статьях (всего 60), в том числе и в реферируемых изданиях.

С докладами по теме автор выступала на международных, всероссийских и региональных конференциях в гг. Барнауле, Новосибирске, Томске, Кемерово.

Материалы исследования были использованы при разработке спецкурса, читавшегося студентам Томского политехнического университета, для учителей школ в Институте учителя и работников культуры в Институте повышения квалификации работников культуры (г. Томск). Теоретические и практические наработки апробировались и применялись автором при работе в рамках федеральной программы (проект 11.64С «Налаживание культурного и межконфессионального диалога: разработка механизмов повышения эффективности межконфессионального и межэтнического диалога», 2003 г.).

Список основных публикаций

1. Сосковец Л.И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – 348 с. (20 п.л.).
2. Сосковец Л.И. Борьба с религией и верующими в Омской области (на материалах 50-х годов) // Вопросы историографии, истории и археологии: Матер. науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – С. 141–144 (0,2 п.л.).
3. Сосковец Л.И. Религиозная жизнь Западной Сибири (по материалам 50-х годов) // Итоги и задачи краеведения: Матер. Всерос. конф. – Курган: Изд-во «Исеть», 1997. – Ч. 2. – С. 55–60 (0,4 п.л.).
4. Сосковец Л.И. Конфессиональные особенности Западной Сибири в 50-е годы XX века // Американский и Сибирский фронт: Матер. междунар. науч. конф. – Томск: ТГУ, 1997. – С. 125–131 (0,6 п.л.).
5. Сосковец Л.И. Институт уполномоченных как форма государственного контроля религиозных организаций // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв.: Матер. науч. конф. – Новосибирск, 1998. – С. 150–153 (0,2 п.л.).
6. Сосковец Л.И. Православный приход: проблемы послевоенного возрождения и выживания. – Деп. в ИНИОН РАН 3.11.98, № 53998 (1,2 п.л.).
7. Сосковец Л.И. Отражение религиозной жизни Западной Сибири на страницах газет // Историческая наука на рубеже веков: Матер. Всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – Т. 3. – С. 129–137 (0,6 п.л.).
8. Сосковец Л.И. Проблема повседневного бытия православных приходов (на материалах Западной Сибири 40–60-х годов XX в.) // Сибирь: вехи истории: Матер. науч. конф. – Иркутск: ИГУ, 1999. – С. 94–100 (0,4 п.л.).
9. Сосковец Л.И. Условия материально-экономической жизни церкви в советский период // Человек, рынок, образование на рубеже XXI века: Матер. междунар. научно-практ. конф. – Томск: Изд-во ТПУ, 1999. – С. 305–307 (0,2 п.л.).
10. Сосковец Л.И. Роль религиозных организаций в становлении гражданского общества // Интеллигенция и проблемы формирования правового гражданского общества в России: Матер. Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – С. 97–98 (0,1 п.л.).
11. Сосковец Л.И. Церковь и война // Великий подвиг. К 50-летию Победы. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 137–140 (0,2 п.л.).
12. Сосковец Л.И. Верующие Западной Сибири в борьбе за возрождение и сохранение православной религии и церкви (на материалах 40–60-х годов) // Новые образовательные технологии в стратегии духовного развития общества: Матер. междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2000. – С. 391–400 (0,7 п.л.).
13. Сосковец Л.И. Религиозное диссидентство: попытка противодействия тотальности // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 2000. – Вып. 3. – С. 73–81 (0,6 п.л.).
14. Сосковец Л.И. Церковь и верующие в условиях советской государственности // По страницам истории и судьбы. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 212–216 (0,3 п.л.).
15. Сосковец Л.И. Русская православная церковь в 40–60-е годы XX века (по материалам Западной Сибири) // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. – Барнаул: БГПУ, 2001. – С. 82–88 (0,4 п.л.).
16. Сосковец Л.И. Репрессивный характер советского законодательства о религиозных культурах // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск: Антифашистский комитет, 2001. – Вып. 4. – С. 111–114 (0,3 п.л.).
17. Сосковец Л.И. Из истории церкви евангельских христиан-баптистов в Западной Сибири: культово-обрядовый аспект // Личность. Общество. История: Сб-к науч. статей и матер. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 129–139 (0,7 п.л.).
18. Сосковец Л.И. К вопросу о месте и роли религиозных организаций в истории советской страны // Ученые записки СПб. им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2002. – №1. – С. 199–207 (0,7 п.л.).
19. Сосковец Л.И. Религиозная ситуация на Алтае в 40–60-е годы XX века // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 282–285 (0,2 п.л.).
20. Сосковец Л.И. Обрядовая деятельность православных приходов Западной Сибири в 40–60-е годы // Сибирь на перекрестке мировых религий: Матер. научно-практ. конф. – Новосибирск: НГУ, 2002. – С. 164–166 (0,3 п.л.).
21. Сосковец Л.И. Конфессиональный фактор в сибирском пространстве // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – № 1. – С. 106–116 (0,7 п.л.).

22. Сосковец Л.И. Антирелигиозная пропаганда как часть идеологических преобразований // Историко-культурное развитие Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 153–157 (0,3 п.л.).
23. Сосковец Л.И. Приходское духовенство Западной Сибири в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 276. – С. 153–163 (1 п.л.).
24. Сосковец Л.И. Об истоках нонтолерантности // Credo new. Теоретический журнал (СПб.). – 2003. – № 1. – С. 206–215 (0,9 п.л.).
25. Сосковец Л.И. Религия в этнокультурном ландшафте Сибири // Этнокультурное взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.): Матер. междунар. науч. конф. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 170–174 (0,2 п.л.).
26. Сосковец Л.И. Практика уголовного и административного преследования верующих в Западной Сибири в 1960-е годы // Гуманитарные науки в Сибири: Журнал ОИИФФ СО РАН. – 2003. – № 2. – С. 36–40 (0,4 п.л.).
27. Сосковец Л.И. Иудейская община в Омске: проблемы повседневности. 1940–1969 гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. научно-практ. конф. – Красноярск: Кларетианум, 2003. – С. 179–184 (0,3 п.л.).
28. Сосковец Л.И. Фонды уполномоченных Совета по делам религий как источник изучения жизни религиозных организаций в советский период // Проблемы историографии и источниковедения России XIII–XX вв. – Томск: Томский госуниверситет, 2003. – С. 191–196 (0,4 п.л.).
29. Сосковец Л.И. Религиозная обстановка в Тюменской области (послевоенный период) // Западно-сибирское краеведение. – Ишим: ИГПИ, 2003. – Вып. 5. – С. 114–121 (0,8 п.л.).
30. Некоторые вопросы организации управления религиозными общинами в советский период // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Матер. V Всерос. науч. конф. – Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. – Ч. 2. – С. 62–65 (0,2 п.л.).
31. Сосковец Л.И. Верующие Кузбасса в 1940–1960-е гг. // Матер. Всерос. науч. конф. «Кемеровской области – 60 лет». – Кемерово: КГУ, 2003. – С. 212–215 (0,1 п.л.).
32. Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки СПб. им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2003. – № 20. – С. 310–322 (0,6 п.л.).
33. Сосковец Л.И. Религиозное возрождение в России: проблемы и противоречия // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности: Матер. научно-практ. конф. – Томск: Дельтаплан, 2003. – С. 162–163 (0,3 п.л.).
34. Сосковец Л.И. Религия и церковь в постсоветское время: тенденции и противоречия // Известия Томского политехнического университета. – 2003. – № 5. – С. 129–132 (0,4 п.л.).
35. Сосковец Л.И. Источник как основа реконструкции антирелигиозного дискурса // Документ в меняющемся мире: Матер. Всерос. научно-практ. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 230–234 (0,2 п.л.).
36. Сосковец Л.И. Религиозное многообразие Сибири: век XX // Мультикультурность и образование: Матер. науч. конф. с междунар. участием. – Томск: Курсив, 2003. – С. 167–170 (0,2 п.л.).
37. Сосковец Л.И. Религиозная толерантность и свобода совести: история, теория вопроса // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – № 2. – С. 177–180 (0,3 п.л.).
38. Сосковец Л.И. Из истории вероисповедного неприятия тоталитарного государства – истинно-православное христианство // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск: Антифашистский комитет, 2004. – Вып. 5. – С. 138–144 (0,4 п.л.).
39. Сосковец Л.И. Монополярная идеология как цель антирелигиозных практик // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск: Антифашистский комитет, 2004. – Вып. 5. – С. 144–154 (0,7 п.л.).
40. Сосковец Л.И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 62–65 (0,9 п.л.).
41. Сосковец Л.И. Истинно-православные христиане в Сибири // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4(41). – С. 31–34 (0,4 п.л.).
42. Сосковец Л.И. Концепт тоталитаризма как объясняющая модель антирелигиозных и антицерковных практик // Известия Томского политехнического университета. 2004. – № 3. – С. 154–158 (0,6 п.л.).